

УДК 81'233 (575.2) (04)

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В.И. Жумагулова, Р.Г. Сейдахметова

Казахский государственный женский педагогический институт, г. Алматы

The article deals with transformation of socio-political processes during last decade, which leads to change of cognitive methods of sophisticated world on the basis of new cognitive units' creation.

Антропоцентрическая парадигма современного языкознания в центр внимания поставила человека как творца языковой и речевой деятельности, при этом человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, “он вовлечен в анализ, определяя его перспективы и конечные цели” [1].

Современная лингвистика общения характеризуется интеграцией экстралингвистических и интралингвистических факторов, когда категории и формы языка оказываются пропущенными сквозь призму коммуникативных взаимодействий говорящего и его собеседников, и это, безусловно, обогащает наши представления о сути языковых единиц. В соответствии с этим можно говорить о расширении круга современных проблем, сосредоточенных на поиске того, как человек использует язык в качестве орудия общения, а также того, как в языковых единицах отразился сам человек во всем многообразии своих проявлений.

Так, изучение языковой личности, определение роли языка общественно-политической коммуникации как одного из важнейших инструментов процесса социализации, попытки взглянуть на дискурс с точки зрения когнитивных структур – все это дает нам новое осмысление лингвистических событий, а вместе с тем иное понимание человеческой коммуникации.

Как известно, в процессе социализации человек становится личностью, приобретает

возможность и способность быть не только объектом, но и субъектом социальных воздействий. Данный факт указывает на то, что каждая личность так или иначе участвует в жизни общества, обладает знаниями, мнениями, убеждениями. Следовательно, социальная структура личности постоянно изменяется. Личность приобретает новые знания, превращающиеся в убеждения. Убеждения определяют характер поступков, поведение человека. В связи с этим социализацию можно определить “как изменение социальной структуры личности в соответствии с требованиями общества” [2], “процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом социального опыта, системы социальных связей и отношений в его собственном опыте <...> весь многогранный процесс усвоения человеком опыта общественной жизни и общественных отношений” [3].

К источникам социализации индивида относятся: а) передача культуры через семейный и другие социальные институты и прежде всего через систему образования, обучения и воспитания; б) взаимное влияние людей в процессе общения и совместной деятельности; в) первичный опыт, связанный с периодом раннего детства, с формированием основных психических функций и элементарных форм общественного поведения; г) процессы саморегуляции, соотносимые с постепенной заменой внешнего контроля индивидуального поведения на внутренний самоконтроль [3].

Следует отметить, что среди приведенных источников *знание* не присутствует, хотя, безусловно, оно входит в понятие культуры, в понятие деятельности, в понятие процесса коммуникации. Однако, по мнению Т. Ван Дейка, в контексте социального функционирования именно знания выступают важнейшим средством, обеспечивающим полноценный социальный контакт: “Социальные субъекты постоянно выражают эти знания, проверяют и сравнивают их со знаниями других членов тех же социальных групп, в той же культуре, они предполагают, что такими знаниями обладают и другие участники социального взаимодействия, общения посредством дискурса” [4].

Говоря о социализации личности, важно отметить, что в процессе коммуникации как закономерном чередовании понимания и вербализации “опорным звеном, соединяющим эти два процесса, является категория знаний: их переработка, хранение, осмысление, передача, усвоение, что составляет сущность общения” [5].

Безусловно, знания, полученные посредством языка, не только составляют основную часть человеческого знания, но и превосходят все остальные. Так, Н.А. Максимчук отмечает: “Знание является продуктом деятельности. Личность порождается деятельностью. Следовательно, знание, как продукт деятельности, оказывается необходимым элементом понятия личности, или, иначе говоря, личность формируется (порождается) знанием. Поскольку все знания, получаемые человеком, так или иначе связаны с языком, можно говорить о родном языке как важнейшем личностнообразующем факторе” [6].

По справедливому замечанию В.В. Морковкина, именно под влиянием родного языка “продукт природы – человеческое существо превращается в артефакт культуры и цивилизации, т.е. в этническую языковую личность. <...> Процесс переработки природного человека в человека общественного с сообщением ему необходимых качеств носит название социализации. Одной из центральных составляющих процесса социализации человека можно считать накопление в его сознании базового знания, позволяющего человеку ориентироваться в природе и в социуме, понимать других и быть понимаемым другими” [7].

Все это подтверждает известный в лингвистике тезис о том, что знания, которыми обладает языковая личность, обусловлены языком. Более того, исследования последних лет достаточно убедительно раскрывают механизмы, управляющие языковым поведением человека.

Общеизвестно, социальная сущность языка заключается в том, что он существует прежде всего в языковом сознании – коллективном и индивидуальном. Соответственно языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуум, с другой, выступают носителями культуры в языке. Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов [8].

Наиболее полное и систематическое обоснование теории языковой личности изложено в трудах Ю.Н. Караулова, который под языковой личностью понимает “совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью” [9]. По мнению Ю.Н. Караулова, языковая личность должна трактоваться не как часть многогранного понимания личности, а как вид полноценного представления личности, вмещающей в себя и психический, и социальный, и этнический, и другие компоненты, но преломленные через ее язык, ее дискурс [9].

В соответствии с этим можно говорить о языковой, коммуникативной и прагматической компетенции человека, или коммуникативной личности, которую она приобретает в процессе социализации. Безусловно, именно коммуникативная компетенция выступает качественной характеристикой языковой личности и отличается своей многоуровневой структурой. Так, Л.П. Крысин выделяет четыре уровня коммуникативной компетенции: 1) собственно лингвистический; 2) национально-культурный; 3) энциклопедический; 4) ситуативный [10].

Говоря о языковой личности, нельзя не упомянуть о речевой организации человека, включающей: 1) языковую способность как

органическую возможность научиться вести речевое общение; 2) коммуникативную потребность, т.е. адресатность, направленность на коммуникативные условия, на участников общения, языковой коллектив, носителей культуры; 3) коммуникативную компетенцию; 4) языковое сознание как активное вербальное “отражение во внутреннем мире внешнего мира”; 5) речевое поведение как осознанную и неосознанную систему поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека [8].

Исследователи отмечают, что как видовое понятие “коммуникативная личность” значительно шире понятия “языковая личность”. Коммуникативная личность понимается как одно из проявлений личности, обусловленное совокупностью ее индивидуальных свойств и характеристик, которые определяются степенью ее коммуникативных потребностей, когнитивным диапазоном, сформировавшимся в процессе познавательного опыта, и собственно коммуникативной компетенцией – умением выбора коммуникативного кода, обеспечивающего адекватное восприятие и целенаправленную передачу информации в конкретной ситуации [11].

В современной лингвистике понятие языковой личности всегда связывается с понятием дискурс, который явно включается в главные понятия антропологической парадигмы, поскольку дискурсивные явления имеют место и время в особой среде, какой оказывается социально-психологическое, а не только физическое пространство – “пространство человека”. Как подчеркивает Е.С. Кубрякова, “в дискурсивном анализе всегда отдается дань говорящей (языковой) личности, да и в исследовании последней явно вовлекаются дискурс и дискурсивные (коммуникативные) особенности человека” [12].

В рамках коммуникативно-деятельностного подхода лингвистических исследований термин “дискурс” употребляется для обозначения объекта изучения с точки зрения процессуально-деятельностного описания языковой коммуникации, в фокусе которого находится активный субъект общения и связанные с ним коммуникативно-прагматические, когнитивные и другие параметры, актуализируемые в процессе речевой деятельности.

Особенно интересными представляются современные исследования дискурса с когнитивной точки зрения. Заметим, что “по своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода, с созданием новых знаний” [12].

Таким образом, дискурсивный анализ представляет собой анализ текстов, т.е. языкового употребления, но только текстов, взятых в особых качествах и свойствах. Дискурс анализируется, прежде всего, по мере поступления к адресату, т.е. ON LINE. Для его понимания используется не вся информация о человеке, а определенным образом уже маркированная информация (partitioned representation), непосредственно относящаяся к определенной области знания [12].

Осознание роли языка как инструмента познания действительности, средства накопления и хранения знания усиливает интерес к изучению и описанию языкового выражения знания в общественно-политическом дискурсе, ориентированном на медийную репрезентацию. Безусловно, в современном мире любое значимое общественно-политическое событие становится предметом репродукции в масс-медиа, т.е. СМИ фактически выступает основной средой существования политической коммуникации. Данный факт указывает на то, что политическая коммуникация претерпевает развитие от парламентско-представительской (репрезентативной) системы к медийно-репрезентативной [13].

Многолетняя социализация общества обеспечила наличие у его членов определенных знаний о политической коммуникации, о языковых действиях в институциональных формах общения. Более того, сфера действия политической коммуникации не ограничивается специализированными институтами, средствами массовой информации, правительственными информационными агентствами, политическими партиями, она проявляется во всех случаях социального общения, от частных бесед до обсуждения в законодательных органах. По справедливому замечанию Е.И. Шейгал, “все элементы поля политики так или иначе опосредованы дискурсом, отражаются в дискурсе, реализуются через дискурс:

они либо составляют собственно предмет общения (его референциальный аспект), либо выступают в качестве элементов прагматического контекста, в том числе и прагматических пресуппозиций” [14].

Следует отметить, что, имея общие системообразующие признаки общественно-политический дискурс и дискурс масс-медиа, тем не менее, различны. Если политический дискурс включает “любое речевое образование, субъект, адресат или содержание которого относятся к сфере политики” [14], то дискурс масс-медиа – любой текст, созданный журналистом, выступающим в качестве посредника между политическим событием или общественным явлением и массовой аудиторией. Медиа-тексты выступают как подвижные, регулируемые социально-речевые образования, обеспечивающие решение как коммуникативных, так и иных задач (включая общественно-политические). При этом медиа-тексты представляют собой “сложную полифункциональную гетерогенную смысловую систему, которая одновременно является продуктом вербализации когнитивной деятельности индивида по познанию мира и результатом целенаправленного конструирования смыслов посредством вербально-авербальных кодов в соответствии с прагматической ориентацией конкретного СМИ” [15].

В частности, можно признать основополагающей для разработки проблемы медиа-текста идею И.В. Рогозиной о необходимости выделения специфических признаков, детерминированных социумом, индивидом, а также одновременно и социумом, и индивидом. Признаками, порождаемыми социумом, являются институциональность, идеологизированность, ценностная ориентированность, коммерциализированность и фрагментарность. Соотносимость с реальным событием и документальность – признаки, порождаемые индивидом. Параметрами, детерминируемыми одновременно и социумом, и индивидом, является социализация индивида и информация о коммуникантах [15].

Подобное обстоятельство вызывает необходимость введения в исследовательский аппарат термина *общественно-политический медиа-текст*, под которым подразумевается вербальное представление социально значимо-

го общественно-политического события посредством медийной репрезентации. Соответственно общественно-политический дискурс нами рассматривается как социально-политическое действие, массово-информационный след, оставленный социально-политической деятельностью.

На наш взгляд, общественно-политическая коммуникация, ориентированная на медийную репрезентацию, представляет такую среду человеческой деятельности, в которой язык в наибольшей степени реализует свои потенциальные функции функционирующей целостности. Эта целостность с особой очевидностью манифестируется в продуцируемой СМИ общественно-политической реальности, при этом язык выступает в ней как один из компонентов поля политики. Более того, в сфере общественно-политической коммуникации наиболее полно реализуются связи, существующие между языком и познавательными процессами, между речевыми произведениями и мышлением, связи, сама возможность актуализации которых достижима только в процессе динамического взаимодействия в триаде “производитель – объект – реципиент”.

Все это подтверждает правомерность положения, что важнейшим аспектом влияния масс-медиа выступает осуществление когнитивных изменений у индивидов на основе создания новых ментальных структур, универсализирующих восприятие мира человеком. В этой связи взгляд на общественно-политический дискурс как на уникальный феномен, реализующий наиболее полно и взаимосвязано когнитивные и коммуникативные процессы, позволяет утверждать, что общественно-политическая коммуникация специфическими для нее средствами масс-медиа переструктурирует реальное социально значимое событие, трансформируя его в общественно-политический медиа-текст.

Как было установлено, трансформация общественно-политических процессов, происходящая последние десятилетия, влечет за собой кардинальные изменения способов познания все усложняющегося мира на основе создания новых когнитивных структур, необходимых для освоения стремительно расширяющегося информационного пространства. Та-

ким образом, способность общественно-политического дискурса, ориентированного на масс-медиа, функционировать в качестве аккумулятора новых когнитивных структур, обуславливается тем, что средства массовой информации гибко реагируют на все эволюционные изменения в социуме, трансформируют систему коммуникативных отношений в обществе, выступая тем самым специфическим инструментом социализации личности, обеспечивающим стабилизацию и интеграцию общества в целом.

Литература

1. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца XX века* / Под ред. Ю.С. Степанова. – М., 1995.
2. *Социология: Учебник для высш. учебн. заведений* / Г.В. Осипов, А.В. Кабыща, М.Р. Тульчинский и др. – М.: Наука, 1995.
3. *Психологический словарь* / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др. – М.: Педагогика, 1983.
4. *Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989.
5. *Городецкий Б.Ю.* От лингвистики языка к лингвистике общения // *Язык и социальное познание.* – М., 1990. – С. 39–56.
6. *Максимчук Н.А.* Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном рассмотрении. – Ч. 1. – Смоленск, 2002.
7. *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы. – М.: Наука, 1997.
8. *Карасик В.И.* Аспекты языковой личности // *Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр.* / Под ред. М.А. Кормилицыной. – Саратов, 2003. – С. 96–106.
9. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
10. *Крысин Л.П.* Речевое общение в социально-неоднородной среде // *Русский язык сегодня.* – М.: Азбуковник, 2000. – С. 317–321.
11. *Конецкая В.П.* Социология коммуникации. – М., 1997.
12. *Кубрякова Е.С.* О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров* / РАН ИНИОН. Центр гуман. науч.-информац. исслед. Отдел языкознания. – М., 2000. – С. 7–25.
13. *Юдина Т.В.* Теория общественно-политической речи. – М.: МГУ, 2001.
14. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград: Перемена, 2000.
15. *Рогозина И.В.* Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: Автореф. ... дис. докт. филол. наук. – Барнаул, 2003.